„Общими Силами“

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Мартъ 1915 г. № 3.

Ред.-Изд. В. А. Бѣляева.

„Общими силами“

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

УЧЕНИЦЪ 1-Й ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ, ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГѢ.

№ 3-й. 1915 г.

Содержаніе: „Я иду, а сердце бьется, бьется въ радостной тревогѣ“ Стих., *З. Л.* Личность Лермонтова (окончаніе.) Отрывки изъ дневника. Пріѣздъ архіерея. День прошелъ. Германія наканунѣ и во время войны. * * *. Стихотвореніе *А. Несмѣяновой.* „Когда же?“, „Русалочка“. „Именинница“ сценка изъ гимназической жизни. Чудеса кинематографа. „Я во мракѣ холодномъ иду“, стихотв. Два отзыва. **Критика. Хроника. Смѣсь:** „Литературный бредъ“. **Шарады**—1, 2, 3, 4. Рѣшеніе задачи, помѣщ. въ № 2. Рѣшеніе ребуса.

Я ИДУ.

Я иду, а сердце бьется,
бьется въ радостной тревогѣ.
Хорошо итти, пріятно
по проселочной дорогѣ!
Унесла весна печали,
не грущу я, не тоскую,
А отъ радости и счастья
упоительно ликую.

Я люблю васъ ели, сосны,
солнце, небо голубое,
Нѣжно-блѣдное, родное,
въ дымкѣ дремлющаго зноя,
Я люблю свою свободу,
Темный лѣсъ, поля и горы
и сверкающую воду!

З. Л.

ЛИЧНОСТЬ ЛЕРМОНТОВА.

(Окончаніе).

Но какъ Лермонтовъ не презиралъ жизнь и общество, онъ самъ жилъ тою же жизнью и даже любилъ ее. Презирая землю и стремясь къ чистому возвышенному, не земному, онъ всю жизнь оставался земнымъ существомъ и даже любилъ землю съ ея пороками. Онъ говоритъ въ стихотв. „Земля и небо“:

„Какъ землю намъ больше небесъ не любить?
Намъ небесное счастье темно,
Хоть счастье земное и меньше въ сто разъ,
Но мы знаемъ какое оно“.

Любовь къ жизни примиряетъ его съ мыслью, что его жизнь не будетъ сплош-

нымъ утѣшеньемъ, что наоборотъ она будетъ полна борьбы, мученій, разочарованій и приводитъ его къ заключенію:

„Я жить хочу печали,
Любви и счастію на зло?
Они мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело.
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманъ;
Что безъ страданій жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ?

Но мы дошли до противорѣчія, только что я говорила о томъ, что Лермонтовъ презираетъ жизнь и что мысль о смерти была даже не чужда ему и вдругъ я привожу стихи, гдѣ поэтъ говоритъ, что онъ любитъ жизнь и хочетъ жить. Онъ самъ себѣ противорѣчитъ—любитъ и ненавидѣтъ одну и ту же жизнь. Противорѣчіе въ его характерѣ сказывается рѣшительно во всемъ, вся жизнь его и весь его характеръ есть чудное сплетеніе этихъ противорѣчій, которое является слѣдствіемъ двойственности его натуры, причина, чего, въ свою очередь, заключается въ раннемъ развитіи и преждевременной созрѣлости Лермонтова.

Дѣтство онъ провелъ среди взрослыхъ, которые внушили ему только презрѣніе къ себѣ, а не научили его жизни; развивался онъ быстро и никто не направлялъ его развитія; поступивъ въ университетъ, онъ оказался тамъ одинъ. Онъ былъ старше своихъ товарищей, жизнь ужъ успѣла ему надоѣсть, только потому, что слишкомъ рано и слишкомъ плохой онъ увидалъ ее. Жизнь сдѣлала его старикомъ безъ сѣдинъ; но юность, силы заложенныя въ немъ не спятъ, и, бурно проявляясь во снѣ, заставляютъ его любить жизнь и хотѣть жить. Потому мы и видимъ въ немъ иногда озлобленіе противъ жизни, сознаніе ненужности ея, отчаяніе, а иногда страстную любовь къ ней, желаніе быть въ ней своимъ человѣкомъ, стремленіе принести пользу, оставить слѣдъ въ жизни И рядомъ со стихами:

„Какъ въ ночь звѣзды падучей
пламень.
Не нуженъ въ мірѣ я“;

въ „Героѣ нашего времени“ изъ устъ Печорина мы слышимъ о томъ, что вѣрно была цѣль, для которой онъ явился въ жизнь, что жизнь его вовсе не безцѣльна. Въ такіе моменты Лермонтовъ вѣритъ, что онъ исключительно погибъ отъ пустоты жизни, вѣритъ въ какія то слова, которыя:

„Объяснить не могу я
Отчего у нихъ власть надо мной;
Ихъ услышавъ опять оживу я“.

Вѣритъ въ свои силы, и возможность принести въ жизни пользу. И умъ его „не по пустякамъ

Къ чему то тайному стремился;
Къ тому, чего даны въ залогъ
Съ толпою звѣздъ ночные своды;
Къ тому что обѣщалъ намъ Богъ,
И что-бъ уразумѣть я могъ
Чрезъ мышленья и годы“.

И дѣйствительно его недюжинный пытливый умъ при воспитаніи не получилъ хорошей работы, которая бы закрѣпила его. Воспитаніе не развило, не направило въ хорошую сторону его ума. Образованіе онъ получилъ самое не основательное, ничего не говорящее ни уму, ни сердцу; истинныя науки отъ него были скрыты и вполнѣ понятны его слова о современномъ ему образованіи, что всѣ науки эти безплодны и изсушаютъ только умъ; онъ нашелъ только такія науки. И тогда, какъ другіе получили хорошее образованіе, нашли утѣшеніе въ наукѣ, Лермонтовъ былъ лишенъ и этого. То къ чему онъ стремился, тѣ знанія, которыя онъ бы могъ получить черезъ годы мышленія и подготовки, остались для него чѣмъ-то далекимъ, присутствіе котораго онъ могъ только смутно чувствовать. Въ томъ же стихотвореніи, которое было только что приведено, Лермонтовъ продолжаетъ:

„Но пылкій и суровый правъ
Меня грызетъ отъ колыбели...
И въ жизни зло лишь испытавъ
Умру я, сердцемъ не познавъ
Печальныхъ думъ, печальныхъ
цѣлей“.

Въ этихъ словахъ мы находимъ объясненіе того, почему его стремленія къ полученію знаній, остались только стремленіемъ; его пылкій нравъ, неполучившій должнаго направленія и жизнь, въ которой онъ испыталъ только зло, отдалили его отъ возможности познать печальныя думы и печальную цѣль, раздвоя его характеръ: съ одной стороны на страстный, пылкій характеръ юноши, полный вѣры,—съ другой на характеръ человѣка, утомленнаго жизнью, презирающаго себя, жизнь и всѣхъ людей.

У Лермонтова, озлобленнаго на жизнь, мы находимъ озлобленіе и на Бога, а рядомъ съ этимъ озлобленіемъ уживается тихая, нѣжная вѣра. Такъ рядомъ съ Благодарностью, гдѣ поэтъ благодаритъ Высшее Существо за все—за всѣ свои мученья, мы находимъ тихую молитву Матери Божіей, въ которой онъ передаетъ Ея заступничеству невинную дѣву, а его молитва—„Въ минуту жизни трудную“ краснорѣчиво говоритъ о томъ, что иногда въ его бурной душѣ воцаряется миръ послѣ тихой молитвы:

„Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнья далеко-
И вѣрится и плачется
И такъ легко, легко“...

А нѣжная любовь къ невинному ребенку, рядомъ съ произведеніями, въ которыхъ все дышитъ озлобленіемъ, развѣ не доказываетъ, что авторъ, несмотря на зло жизни, свое одиночество, сохранилъ нѣжность и чуткость. Но и эти чувства у него не имѣютъ веселаго характера, наоборотъ въ каждомъ изъ нихъ скрыта глубокая печаль, которую наложила на весь характеръ поэта неумолимая, уродливая жизнь.

Лермонтовъ не зналъ въ жизни счастья, не нашелъ любви, а встрѣтилъ только зло, неправду, пороки, которые озлобили его и вооружили противъ себя. Вся жизнь, заполненная зломъ, вызвала у него негодованіе и глубокое презрѣніе и ненависть. И только природа примиряетъ его съ жизнью и уравновѣшиваетъ его характеръ. Природа утѣшаетъ его, усмиряетъ его пылкій нравъ и заставляетъ любить жизнь и даже вѣрить въ нее.

„Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива,
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой
Изъ подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ, играя по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край откуда мчится онъ-
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ
И счастье я могу постигнуть наземлѣ
И въ небесахъ я вижу Бога“.

Природа возвращаетъ его къ жизни, заставляя забывать ея пошлость. И Лермонтовъ искренно и глубоко любитъ природу. Онъ умѣетъ прислушиваться къ ея голосамъ и умѣетъ понять ее. Въ описаніяхъ природы у него не только вѣрность и художественность изображенія, но замѣтно какое вліяніе оказываетъ природа на поэта, есть какая то связь между природой и душой поэта. И все это потому, что онъ умѣетъ понимать ее и слиться съ ней. Вообще у Лермонтова человѣкъ и природа неразрывное цѣлое и человѣкъ является украшеніемъ природы.

Особенно много вниманія онъ удѣлялъ природѣ Кавказа, которая по своему характеру близко подходила къ характеру поэта. Величественный, грозный Казбекъ, мирная, нѣжная цвѣтущая Грузія воодушевляли его. Въ любви Лермонтова къ природѣ есть что то сильное, мощное. Его страстной бурной душѣ были близки и понятны бури грозной природы Кавказа, а его нѣжность и чуткость были способны уловить пре-

лести цвѣтущей Грузіи. Его герои, переживая бури въ собственной душѣ, любятъ бури въ природѣ и не боятся ихъ. Такъ мцыри говоритъ монаху:

„О, я какъ, братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молніи ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбѣ краткой, но живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?„..

Между бурной душей этого человѣка и природой полное соотвѣтствіе, и онъ, оставшись наединѣ съ природой, жилъ. Мцыри считаетъ, что вся его жизнь это только три дня, которые онъ провелъ среди природы въ горахъ Кавказа, убѣжавъ изъ монастыря отъ презрѣнныхъ монаховъ. Въ горахъ въ сильную бурю этотъ человѣкъ чувствовалъ себя лучше, чѣмъ въ тихой обители среди молитвъ. Буря не испугала его, она была ему близка, онъ самъ переживалъ бурю и дѣйствительно жилъ только тогда, когда мѣрился своими силами съ природой. И такое же полное соотвѣтствіе между душевной жизнью и природой можно найти между всѣми героями Лермонтова. Самъ Лермонтовъ умѣетъ сжиться съ природой, понять ее.

Но Лермонтовъ любитъ не только природу Кавказа, онъ любитъ и русскую природу, любитъ степи, разливъ рѣкъ, русскую избу, покрытую солому, гумно и съ разными ставнями окно. Въ русской природѣ онъ также сумѣлъ уловить ея прелести и гармонію. Но Кавказъ для него остался ближе, роднѣе во всю жизнь. На Кавказѣ онъ пережилъ первую любовь, провелъ лучшіе безмятежные годы своей жизни и здѣсь же на Кавказѣ онъ погибъ, тою же смертью, какою погибъ и его великій учитель Пушкинъ.

Лермонтова возмущала смерть Пушкина... Но онъ самъ погибъ также отъ руки злодѣя... И смерть Лермонтова не возмутила никого, всѣ считали что Лермонтовъ именно долженъ былъ умереть этою смертью, рано или поздно его назойливый характеръ довелъ бы его до такой смерти.

Прошло сто лѣтъ... Лермонтова давно уже нѣтъ, остались только его творенія. Теперь понемногу начинаетъ разсѣиваться тотъ туманъ, которымъ окружена его личность, но какъ много въ ней перепадавшаго, непонятнаго. Какой большой этотъ человѣкъ, какая глубокая душа, сильный характеръ!

И какъ жаль молодой жизни, прожитой безъ счастья, не согрѣтой любовью, а загубленной въ полномъ разцвѣтѣ.

N. O.

Отрывки изъ дневника.

Съ отчетливой ясностью вспоминаю этотъ роковой день моей жизни, день котораго я никогда незабуду. Случилось это на вечеринкѣ у Жени Б.; тамъ встрѣтила я его, и первый взглядъ, первое пожатіе руки сказали, что это онъ, тотъ, кого я искала такъ долго. Помню онъ пѣлъ, А я... забившись въ темный уголъ гостинной, внимала чуднымъ звукамъ его нѣжнаго, мягкаго баритона, властно зовущаго къ чему то новому, неизвѣданному, таинственному...

„Ко мнѣ мой младенецъ",

слышу слова Шубертовской баллады, „Лѣсной царь". Точно зачарованная смотрю я на пѣвца, опьяненная его нѣжноласкающей пѣсней. Какая то сладкая истома охватила все мое существо. Все окружающее исчезло въ туманѣ, хотѣ-

лось чего то иного—сильнаго, хотѣлось новой яркой и смѣлой жизни. А звуки лились и звали, звали въ невѣдомую сказочную даль. Что было дальше—не могу дать себѣ яснаго отчета. Помню—вся жизнь моя въ эти мгновенія подернулась какой то дымкой давно прошедшаго, а сейчасъ... сейчасъ существовалъ только онъ одинъ—этотъ незнакомый пѣвецъ съ своимъ выразительнымъ взглядомъ глубокихъ сѣрыхъ глазъ. Я была словно въ забытьи...

„Играя, летая тебя забавлять“ несутся слова балнады, обѣщая жизнь иную, счастливую, радостную, жизнь безъ горя, печали и слезъ. Но вотъ онъ кончилъ и начинаетъ пѣть снова. Снова, точно зачарованная какой то волшебной сказкой, слушаю и не могу оторвать своего горячаго, воспаленнаго взора съ лица поющаго.

„Часъ свиданія, часы разлуки“ доносятся вдругъ до моего слуха слова любимаго романса „Въ часъ роковой“.. и невольно начинаю я думать о своей встрѣчѣ съ нимъ. Увидѣлись мы съ нимъ случайно, мимолетно, не знающіе другъ друга, и такъ же незамѣтно разойдемся не нужные, чуждые одинъ другому... Но что это? Сонъ? Нѣтъ, я не ошибаюсь. Его задумчивые свѣтлые глаза обращены въ мою сторону, словно упрашивая, умоляя о чемъ-то... Силы покидаютъ меня, и я, какъ загипнотизированная не могу отвести своего взгляда съ говорящаго взляда пѣвца. Сомнѣнья нѣтъ—онъ поетъ для меня. И вдругъ словно какая-то невидимая преграда разступилась предъ нами, и оба мы стали такъ внезапно близки другъ-другу. Завѣса условностей пала. Мы полюбили.

Вотъ уже три мѣсяца продолжается наша любовь, это не пошлое ухаживаніе „кавалера за барышней“, это то свѣтлое, яркое чувство, которое испытываешь только одинъ разъ въ жизни. Каждый вечеръ я жду его. Вотъ слышу знакомый звонокъ. Это онъ. Входитъ веселый, жизнерадостный, смѣлый. И начинаются разговоры—безконечные, полные самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее, и такъ до самаго утра, вплоть до разсвѣта. Говоримъ о нашей жизни, когда я буду вмѣстѣ съ нимъ—поѣду на курсы и заживу иначе, по другому, по новому, встряхнувъ съ себя навсегда всю эту рутину провинціализма. И я съ особенной любовью внимаю его словамъ. Онъ говоритъ о совмѣстной работѣ въ пользу общества, пользу ближнихъ, страдающихъ и угнетенныхъ. „Жизнь для себя не жизнь“, говоритъ Борисъ, „надо работать, трудиться, помогать, надо отрѣшиться отъ своей личной жизни, надо вѣрить, любить“...—„Да, да“ я съ тобой согласна“, думаю я.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ—гимназія окончена и я, свободная гражданка, вступлю на эту дорогу.

—

Теплый майскій вечеръ. Я и онъ сидимъ на скамейкѣ нашего стараго, запущеннаго густого сада и, какъ всегда строимъ проэкты, уносимся мечтами въ жизнь будущаго свѣтлаго, такъ много обѣщающаго, въ особенности мнѣ—ничего не испытавшей, ничего не знающей. Говоримъ безъ конца и не замѣчаемъ, какъ начинаются ранніе весенніе сумерки. Вечерняя заря догораетъ.. Природа начинаетъ уже засыпать; лишь изрѣдка откуда то донесется едва уловимый шелестъ листьевъ, тихо шепчущихся между собой. Проходитъ часъ, другой... и ночь вступаетъ въ свои права. Все пріобрѣтаетъ какой то таинственный, мрачный характеръ. Деревья кажутся могучими великанами, окружающая темнота—живымъ существомъ, зловѣщимъ, угрожающимъ о чемъ то... Ни одинъ листъ, ни одна травинка не шелохнется, всюду тишина и безмолвіе... Вся природа молчитъ. Молчимъ и мы съ Борисомъ, боясь нарушить это безмолвіе ночи. Тишь. Синее небо усѣяно звѣздами. Ночь ясная, ясная... Гдѣ то далеко, далеко защелкалъ соловей, защелкалъ и вдругъ замолкъ... Но потомъ словно передумалъ, и полилась она—пѣснь соловья—смѣлая, манящая, дерзкая... Вспоминаю я

свою первую встрѣчу съ Борисомъ, вспоминаю его пѣнье и вся цѣликомъ ухожу въ эти счастливыя грезы недавняго прошлаго... Но вотъ близится разсвѣтъ. Ночь начинаетъ блѣднѣть; на востокѣ загорается яркая полоса утренней зари... А соловей допѣваетъ свою послѣднюю предразсвѣтную пѣсню...

Маргарита К.

Пріѣздъ архіерея

(БЫЛЬ).

На улицахъ Васильевскаго горнаго завода замѣчается небывалое волненіе. Мужики, бабы, ребятишки торопливо бѣгутъ на главную улицу завода, называемою „Большой". Тутъ и тамъ слышатся громкіе разговоры, крики а подъ-часъ и отборныя ругательства. Вонъ на „Большой" улицѣ у богатаго купца Артемьева собралась большая толпа бабъ. Посреди толпы стоитъ хозяйка лавки, красивая толстая баба, одѣтая въ красный старообрядческій сарафанъ. На губахъ у нея играетъ насмѣшливо—презрительная улыбка, глаза устремлены въ конецъ улицы на гору, гдѣ виднѣется бѣлая церковь. Сегодня ждутъ архіерея. Церковь имѣетъ праздничный видъ: березовая аллея, ведущая къ воротамъ храма, посыпана свѣжимъ желтымъ пескомъ. День жаркій, солнце ярко блеститъ черезъ свѣтло-зеленую листву кудрявыхъ березокъ. На загородь храма поставлены въ два ряда плошки съ саломъ, для вечерней иллюминаціи.

„Ну нѣтъ!.. тоже ужъ посмотримъ перекреститъ ли онъ меня своимъ табашнымъ крестомъ"!.. кричитъ Артемьиха. „А вотъ и посмотри, что перекреститъ"— „Лупи не лупи глаза то, а чему ужъ быть такъ того не миновать"—„Э, да чего съ ней не крещенной раскольницей разговаривать"...—„Поди, баушка Ѳекла три раза въ поганую кадушку окунула да имя нарекла"! раздаются возбужденныя голоса изъ толпы бабъ.

Вотъ раздается колокольный звонъ. Изъ церкви выходитъ блестящее наряднoе духовенство съ крестнымъ ходомъ Мужики торопливо стаскиваютъ свои картузы и истово крестятся, бабы; охаютъ и причитаютъ: „Охъ, Господи, сщасья то Богъ каково далъ, самово нашего архерея батюшку увидимъ"!.. Крестный ходъ въ сопровожденіи толпы народа направляется къ жилу для встрѣчи преосвященнаго.

Колокола звенятъ и гудятъ. На сердцѣ весело и радостно. Но не весело на душѣ у Артемьихи, разговоры бабъ задѣли ее за живое, ей хочется доказать всѣмъ и каждому, какъ она ненавидитъ и презираетъ православнаго архіерея, а вмѣстѣ съ нимъ и все духовенство. Она сидитъ за работой въ своей лавкѣ, но сегодня работа не подвигается впередъ. Но вотъ до слуха ея доносится пѣніе; голоса приближаются все ближе и ближе. Ей хочется встать и уйти куда нибудь подальше, гдѣ бы ей не было слышно совсѣмъ этого стройнаго семиголоснаго пѣнія, такого грѣшнаго и дьявольскаго по ея мнѣнію. Но бабье любопытство даетъ себя чувствовать: Артемьиха встаетъ и выходитъ на порогъ лавки. Улица вся заполнена народомъ.

Но вонъ несутъ иконы, а за иконами видится что-то черное, медленно подвигающееся впередъ, движется все ближе и ближе. Вотъ уже почти равняется съ лавкой. Волосы у Артемьихи встаютъ дыбомъ отъ ужаса, руки и ноги, какъ бы отнимаются, она не въ состояніи двинуться съ мѣста. Черное, поразившее Артемьиху, было ничто иное, какъ ка-

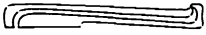
рета, въ которой сидѣлъ преосвященный. Архіерей былъ еще человѣкъ не старый, онъ важно, прямо сидѣлъ въ каретѣ съ открытымъ окномъ, и благословлялъ, бѣжавшій около него народъ. И къ ужасу Артемьихи сбылись слова одной изъ спорившихъ бабъ, что „чему быть такъ того не миновать". Вдругъ взглядъ преосвященнаго скользнулъ по Артемьихѣ. Его поразила фигура, одиноко стоящая на порогѣ лавки, съ ужасомъ во взглядѣ. Онъ поднялъ выше руку и благословилъ ее, какъ бы въ отдѣльность ото всѣхъ. Тутъ силы и сознаніе явились къ Артемьихѣ, она громко вскрикнула и бросилась бѣжать домой не подумавъ о томъ, что будетъ съ ея лавкой, оставленной на произволъ судьбы. Не успѣла еще Артемьиха вбѣжать въ ворота, какъ закричала дикимъ голосомъ: „Лошадей, лошадей скорѣе!.. Согрѣшила! Опаганили"!.. Когда домашніе узнали въ чемъ дѣло, ужасу ихъ не было предѣла. Быстро запрягли пару рослыхъ сытыхъ лошадей, Артемьиха пала ничкомъ въ коробокъ, хозяинъ крикнулъ. „пошелъ, въ Рывду"!, кучеръ дернулъ возжами, стегнулъ хлыстомъ по обѣимъ лошадямъ и коробокъ быстро покатился.

Долго не могла опомниться Артемьиха, она выла, стонала и причитала... „Батюшки, да что же это?.. Вѣдь этотъ грѣхъ не замолить мнѣ во всю мою жизнь"!..

Черезъ полтара часа сѣдоки были въ сосѣднемъ „Рывдинскомъ заводѣ", гдѣ жилъ раскольничій канонникъ. Не доѣхавъ дома два до канонника, Артемьиха вылезла изъ коробка, пала на колѣни и такъ на колѣняхъ пошла къ дому канонника. Съ воемъ и причитаніями разсказала она ему про свое несчастье, про свой великій грѣхъ. Канонникъ пожурилъ свою заблудшую дочь, заставилъ Артемьиху промолиться всю ночь и утромъ благословилъ и простивъ ей ея грѣхъ отправилъ домой.

Домой Артемьиха пріѣхала, какъ ни въ чемъ не бывало. Запрегли свѣжую лошадь въ телѣгу, положили нѣсколько мѣшковъ муки и еще различныхъ припасовъ и отправили канонику въ подарокъ.

Марія К.



День прошелъ.

Смеркается. Я люблю стоять у окна, провожая уходящее солнце. Стою и смотрю какъ медленно и красиво засыпаетъ оно. Чѣмъ блѣднѣе становится полоска догорающаго заката, чѣмъ темнѣе дѣлается небо, тѣмъ грустнѣе на сердцѣ... Какъ будто вмѣстѣ съ солнцемъ уходитъ и радость.

Днемъ я любуюсь теплыми солнечными пятнами и думаю: ахъ, зачѣмъ такъ весело это солнце? И безъ него весело и радостно жить на свѣтѣ!.. А вечеромъ, прильнувъ къ холодному окну, я подолгу смотрю на звѣзды и думаю: отчего такъ печальны эти спокойныя, далекія звѣзды? И безъ нихъ слишкомъ, слишкомъ печально жить на свѣтѣ...

Темнѣетъ. Зачѣмъ ты уходишь, солнышко? Скучно и страшно безъ тебя! Останься еще съ нами, взгляни какъ эти страшныя тѣни быстро закрываютъ всю комнату! Прогони ихъ!—Блесни, улыбнись, разсѣй страхъ, подари еще каплю счастья!.. Но гордое солнце не слышитъ оно дремлетъ, дремлетъ... засыпаетъ въ своей розовой колыбели... И сквозь сонъ улыбается послѣдними нѣжно-красными лучами.

Я прижимаюсь къ окну. Мнѣ страшно обернуться назадъ; я знаю, во всѣхъ углахъ уже притаились тѣни, и вся комната за моей спиной стала темной и печальной.

День прошелъ...

Что же я сдѣлала за этотъ день? Мнѣ кажется—ничего. Какъ будто я цѣлый день стояла у окна и прощалась съ солнцемъ. Больше ничего не помню. О чемъ я мечтала, стоя у окна?... Но какъ уловить свои мечты? Какъ разсказать ихъ другому? Молчитъ душа, а мечты несутся. Какъ облака плывутъ по небу, мѣняя каждый мигъ свои очертанія, цвѣтъ, расплываясь, тая, такъ и мечты быстро смѣняются, цѣпляются другъ за друга, исчезаютъ и вновь наплываютъ откуда-то...

На фонѣ свѣтлаго вечерняго неба рѣзко чернѣютъ деревья. Вѣтеръ качаетъ ихъ голыя вѣтки и они слегка ударяютъ въ мое окно.

Гдѣ то далеко, далеко играетъ шарманка. Я прислушиваюсь къ этимъ звукамъ. Что то далекое, дѣтское, совсѣмъ, совсѣмъ позабытое напоминаютъ они. Какъ будто былъ уже въ моей жизни, этотъ вечеръ; такъ же гасло солнце, также плыли облака и также качались деревья.

Тоска заглядываетъ въ душу... Жаль, безумно жаль, что скрылось солнце! Я жадными глазами ловлю блѣднѣющіе розовые клочки облаковъ, и думаю тоскливо: когда это было? И отчего я забыла все, что было?...

Лель.

Германія наканунѣ и во время войны.

Часто приходилось мнѣ быть на проводахъ солдатъ, быть при тѣхъ душу раздирающихъ сценахъ отчаянія, когда и стыдно и больно чувствовать себя лишь свидѣтелемъ народнаго горя. „Тихо мы жили, смирно“ слышалось тамъ „и нѣмцу не мѣшали, а вотъ теперь... Да зачѣмъ же это“? Но если простой народъ не зналъ, „зачѣмъ“, т. к. словно снѣгъ на голову свалилось ему объявленіе мобилизаціи, то чѣмъ объяснить „незнаніе“ интеллигенціи, освѣдомленной, мыслящей части общества? Послѣ убійства эрцгерцога въ Сараевѣ тревога усилилась, по предъявленіи Австріей Сербіи ультиматума крылатое по волѣ человѣка слово „мобилизація“ облетѣло всю Россію и наконецъ... наконецъ Германія 19-го іюля объявила войну Франціи и Россіи. Можно было ожидать такой конецъ, но не хотѣлось ждать, не хотѣлось вѣрить въ него; и, когда уже нависли черныя грозовыя тучи, общество продолжало слабо надѣяться. Почему же надѣялись, когда печальный исходъ событій былъ неотвратимъ? Отвѣтъ на это врядъ ли не придется искать въ психилогіи русскаго человѣка. „Почему“? спрашиваютъ тысячи и десятки тысячъ, когда уже свершился фактъ и льется кровь. Однако на обратную сторону вопроса „Отчего же Германія такъ нежданно бросила вызовъ своей восточной сосѣдкѣ“? можетъ быть дано нѣсколько отвѣтовъ. Чтобы выяснить ихъ обратимся къ Германіи прошлаго; не къ революціонной эпохи 50-тыхъ годовъ, а Германіи въ началѣ ея новой милитаристической эры, къ 80-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Послѣ бурныхъ и лучшихъ лѣтъ революціи, борьбы съ правительствомъ во имя идеаловъ у одной части общества, за улучшеніе дѣйствительной жизни—промышленности, торговли—у другой, наступаетъ затишье: буржуазія измѣняетъ прежнимъ идеямъ и, утомленная борьбой, идетъ на встрѣчу правительству. Въ теченіе этого періода зарождается капитализмъ. Ко второй половинѣ этого времени относится возникновеніе осуществленной идеи единенія Германіи: то, что раньше можно было

назвать лишь неудававшимся стремленіемъ, обладаетъ полной опредѣленностью и ясностью формъ теперь—благодаря Бисмарку. Но прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Бисмаркѣ. Кристаллически ясный умъ, геніальный дипломатъ, съ именемъ котораго неразрывно связана „политика крови и желѣза“, Бисмаркъ стоитъ выше чѣмъ два его незначительныхъ преемниковъ, Бюловъ и Бетманъ-Гольвегъ—нашъ современникъ. Сферой дѣятельности канцлера являлась международная политика, его цѣлью, его дѣтищемъ было объединеніе Германіи съ гегемоніей Пруссій, а на средства къ достиженію цѣли Бисмаркъ рѣдко обращалъ вниманіе. Для „прусскаго юнкера“ (такъ съ гордостью называлъ себя Бисмаркъ) не существовало націй, святынь и моральныхъ преградъ, когда дѣло касалось его излюбленной „Великопруссіи“. Отлично понимая, что тотъ таможенный (экономическій) союзъ государствъ Германіи, гдѣ главную роль играла Австрія, не доставитъ первенства Пруссіи, Бисмаркъ рѣшилъ провести Германію черезъ три войны, путемъ потрясеній, всегда вызываемыхъ внѣшней опасностью, сплотить разрозненныя части въ одно цѣлое. Послѣ первой войны—съ Даніей добычей союза явились Шлезвигъ и Голштинія, подѣленныя между Австріей и Пруссіей. Земли эти послужили въ свою очередь яблокомъ раздора и въ предвидѣнныхъ проницательнымъ канцлеромъ дипломатическихъ столкновеніяхъ находится поводъ ко 2-й желанной войнѣ—съ Австріей. Двуединая монархія, разбитая войсками Мольтке, выходитъ изъ союза, теперь уже преобразованнаго. Этотъ сѣверный союзъ, заключенный въ 1867 г., имѣлъ общее законодательство, финансы, дипломатію, флотъ; управляясь союзнымъ совѣтомъ, рейхстагомъ, онъ имѣлъ президента короля Пруссіи, назначавшаго канцлера, имѣвшаго право распускать собраніе представителей, заключать міръ и т. д. Но сѣверно-германскій союзъ далеко не соотвѣтствавалъ широкимъ, крайнимъ стремленіямъ Бисмарка и, чтобы въ него привлечь 4 южныя государства, Германіи надо было испытать высшій моментъ сознанія національности, государствомъ слѣдовало стать ближе, конечно къ Пруссіи. Послѣднимъ испытаніемъ объединяющейся Германіи явилась франко-прусская война 1870 года, поводомъ къ которой послужили притязанія Леопольда Гогенцоллерна на испанскій престолъ Не преминувъ объявить тактику союза строго-оборонительной, германцы (враги не французскаго народа, но лишь его императора) скоро заставили человѣчество сомнѣваться въ искренности ихъ убѣжденій. Область за областью переходили въ ихъ руки, войска, предводительствуемыя бездарными полководцами, бѣжали и, наконецъ, Луи-Наполеонъ остался въ плѣну со всѣмъ своимъ войскомъ. Это и былъ знаменитый Седанъ. Французскій народъ могъ отвѣтить лишь однимъ; нелюбимый и безсильный король для него не существовалъ—Франція была объявлена республикой. Несмотря на геройскую народную защиту былъ взятъ Парижъ и—по заключенному миру Эльзасъ и часть Лоторингіи присоединены къ Германіи. Только неясно одно: гдѣ же здѣсь оборонительная политика? Въ этотъ 1870-й годъ начинается новое время Германіи. эпоха побѣдоноснаго, грознаго бряцанья оружіемъ. Къ 1871 году относится полное механическое объединеніе Германіи, т. к. союзъ превратился въ имперію, имѣвшую одну конституцію, законодательство, рейхстагъ и совѣтъ. Государство пріобрѣтаетъ чиновническій отпечатокъ: императоръ составлялъ министерство совершенно независимо отъ рейхстага, канцлеромъ вплоть до 1890 г. оставался Бисмаркъ и, наконецъ, военный бюджетъ почти не зависѣлъ отъ народнаго представительства, т. к. обсуждался 1 разъ въ продолженіи 7 лѣтъ. Въ 1882 году возникъ, стараніями канцлера тройственный союзъ. Страхъ за Боснію и Герцеговину, у Австріи, боязнь предъ Франціей Италіи и Пруссіи побудили заключить его. (Но въ 1914 году союзъ этотъ прекратилъ существованіе—Италія нейтральна въ настоящей войнѣ, вслѣдствіи наступательной позиціи союзниковъ). Въ 1886 году правительство входитъ въ рейхстагъ съ предложеніемъ объ увеличеніи арміи; программа дѣятельности занявшаго тронъ Гогенцол-

лерновъ спустя два года, Вильгельма II—покровительство промышленности и торговлѣ—вело за собой намѣренное увеличеніе флота. Первымъ дебютомъ прошло занятіе по ничтожному поводу Кіао-Чао съ Циндао, нынѣ отнятымъ нашими союзниками, а 2-мъ—увеличеніе германскаго флота вдвое. Въ рейхстагѣ 1906, 1908 года одобряются проекты о новомъ непомѣрномъ увеличеніи флота. Германія, вооружаясь на сушѣ, становится вмѣстѣ съ тѣмъ и второй послѣ Англіи морской державой. Такимъ образомъ, указавъ главные моменты германскаго вооруженія, намъ остается только выяснить причину его—т. е. причину современной міровой борьбы. Хотя война и разгорѣлась по поводу какъ бы убійства Габсбурга, но ея причины далеко не династическія, онѣ глубже и зависѣли отъ экономическихъ событій Германіи. Пяти-милліардная контрибуція, взятая съ Франціи послѣ 1870 г., обогатила страну; благодаря притоку капиталовъ промышленность (гл. образомъ обработка металловъ и машиностроеніе) развивается.

Развивается обширная международная торговля и громадная доля вывоза изъ Германіи фабрикатовъ падаетъ на Россію: вывозъ не обложенъ пошлинами и, наоборотъ ввозъ въ Германію сырыхъ русскихъ продуктовъ затрудненъ высокими пошлинами (договоръ 1907 г.). Желая еще болѣе усилить эксплоатацію нашей родины, желая сдѣлать ее рынкомъ лишь только для нѣмецкихъ товаровъ, нѣмцы, конечно, не хотѣли бы предоставить и внѣевропейской торговли какой-либо странѣ; германцы пробуютъ счастья въ Тунисѣ, Алжирѣ, Турціи, на Дальнемъ Востокѣ. Но, какъ находятъ они сильный противовѣсъ своимъ экономически-завоевательнымъ стремленіямъ въ русскомъ народѣ, такъ и на моряхъ у нихъ является сильная соперница—Англія. Что представляютъ союзницы Германіи Австрія и Турція? Послѣдняя была вовлечена въ войну вліятельной Германіей, какъ оплотъ и запасъ военныхъ силъ, а политика Австріи сходна со стремленіями Германіи: это насильственное обращеніе Балканъ въ подневольную колонію. При такихъ стремленіяхъ ясно, почему Германія вооружалась, готовилась тайно и явно, зачѣмъ напала на Россію. Но, какъ сказалъ Чернышевскій, каждый человѣкъ не можетъ поступить иначе, нежели онъ сдѣлалъ, т. е. каждый поступокъ соотвѣтствуетъ извѣстному нравственному уровню. На какой же высотѣ стоятъ германцы, вѣрнѣй пруссаки, если не обобщать пороковъ извѣстной группы? Что представляетъ изъ себя императоръ Вильгельмъ—кайзеръ, какъ насмѣшливо зоветъ его Европа. Вильгельмъ II прежде всего не сверхъ-человѣкъ, даже не мрачный геній зла, онъ характерный Гогенцоллернъ, цѣликомъ вырванный изъ туманно-рыцарскаго средневѣковья, съ рѣзко выраженными понятіями о власти отъ Бога, съ какой-то специфически-нѣмецкой мечтой о всесвѣтной нѣмецкой монархіи. Естественно, что при развитомъ самосознаніи, при существованіи учрежденій народныхъ представителей власть монарха не можетъ имѣть такого значенія не только морально, но и практически и невозможно было начать войну, если бы желанія Вильгельма не шли параллельно съ убѣжденіями его народа. Съ первыхъ шаговъ нѣмцы нарушили ими же гарантированный нейтралитетъ Бельгіи, затѣмъ событія показали, что они, окруженные свѣтлымъ ореоломъ въ сознаніи русскихъ, они—авторитеты знанія, науки—создали драмы Реймса и Лувена, бросали бомбы надъ „Notre Dame de Paris". Велико прошлое Германіи, смѣшны попытки отрицанія ея общечеловѣческихъ геніевъ литературы, науки и музыки... Славны ея неподкупные, хотя и отвлеченные борцы за свободу, но какъ примирить ихъ и такъ недавно умершаго Бебеля хотя бы съ германскими соціалистами нашихъ дней, что раскололись на малую часть „интернаціональныхъ" и громадную „національныхъ". Нынѣшнее поколѣніе воспитывалось не во времена Гете, Канта и Шиллева, а въ эпоху Седана. Съ возростаніемъ внѣшней славы Германіи каждый нѣмецъ проникался презрѣніемъ къ малочисленнымъ націямъ („Весь восточный вопросъ не стоитъ костей одного померанскаго гренадера") къ вырождающейся Франціи и варварской, по ихъ мнѣнію,

Россіи. „Смотрите на этотъ германскій кулакъ, и народы Европы и прочія низшіе расы и народы“, ярко передаетъ переживанія Германіи Л. Андреевъ „трепещите, восторгайтесь и умиляйтесь. Въ немъ, въ этомъ единомъ кулакѣ я держу и лучшаго на свѣтѣ кайзера и лучшую соціалъ-демократію. Лучшую гуманность и лучшія орудія Круппа! Лучшую свободу и образцовѣйшія тюрьмы. Все самое лучшее“! Такъ чувствуетъ нѣмецъ, начиная съ кайзера, кончая шульманомъ. Что переживаетъ ученый авторитетъ (что переживаетъ талантливый Гауптманъ)? Любя Германію, онъ старается доказать ея право на войну, путемъ безчисленныхъ варіацій на тему „сила--право; право“! „Война обновитъ жизнь“, убѣждаетъ онъ, „она отброситъ безсильное, она уничтожитъ непригодность. И останутся только сильные и тѣломъ и духомъ, а сильнѣйшіе среди сильныхъ, разумѣется, германцы“. Ученые приходятъ къ заключенію, что всѣ великіе люди типа, схожаго съ германскимъ—нѣмцы, профессора доказываютъ (объ этомъ даже не смѣшно, а горько читать) нѣмецкое происхожденіе Христа.

Что случилось бы при побѣдѣ Германіи? Пали сотни тысячъ жертвъ напрасно, экономическая зависимость отъ Германіи должна быть ужасной, вопросъ о Дарданеллахъ, такъ близкій къ разрѣшенію, отложился бы силою обстоятельствъ на неопредѣленное время, наконецъ, національная приниженность русскихъ и тѣмъ болѣе балканскихъ славянъ возросла бы до большихъ размѣровъ. Колоніи потеряли бы свою свободу торговли, какой пользуются у Англіи. Несмотря на испытанія, силу врага, теперь русскіе должны побѣдить. Если невозможно было предотвратить катастрофу, то осталось только бороться. Сильно, слишкомъ сильно, утратила свое обаянье Германія и... когда и вернетъ ли она его въ будущемъ?

Былинка.

Порою мнѣ грустно бываетъ
И слезы сжимаютъ мнѣ грудь,
И смѣхъ на устахъ замираетъ
И тяжко и больно вздохнуть.....

Но все же безпечно смѣюся;
Хочу я тоску заглушить
Хочу свою муку развѣять,
Хочу я печаль позабыть.

Оставь меня горе-несчастье,
Не мучай, подальше уйди!
Хоть счастья мгновенье пожертвуй,
Пусть сердце забьется въ груди:

Хоть искренне буду смѣяться,
Не буду притворствуя лгать,
Наружно веселой казаться
Въ душѣ безконечно страдать.

Несмѣянова.

Когда-же?

На дворѣ морозъ. Вѣтеръ вздымаетъ клубы снѣга и сердито завываетъ въ трубѣ. Этотъ вой вѣтра болѣзненно отдается въ душѣ Ольги Николаевны. Она, сжавъ голову руками, точно окаменѣла. Пламя лампы освѣщаетъ небольшую комнату; убранство ея не богато: кровать, столъ, заваленный книгами, нѣсколько стульевъ, нѣсколько портретовъ по стѣнамъ—вотъ почти и вся обстановка. Голыя стѣны, низкій потолокъ обличаютъ деревенскую избу. Ольга Николаевна или „Ольга Миколавна", какъ ее величаютъ ученики, деревенская учительница, еще только первый годъ, даже первые мѣсяцы. Комната эта—ея квартира при школѣ. Отъ всей обстановки вѣетъ тихой грустью, и тяжело становится при взглядѣ на Ольгу Николаевну. Она вся сжалась, точно отъ холода, глаза ея съ глубокой тоской устремлены куда-то вдаль, побѣлѣвшія губы шепчутъ: „Когда же, когда? Неужели никогда? При этомъ она еще сильнѣе сжимаетъ голову руками: „Нѣтъ, это невозможно. Только бы скорѣе, скорѣе!"

Ольга Николаевна или просто Оля, какъ ее звали дома, родилась въ М. Воспитаніе она получила сначала дома, потомъ въ гимназіи. Выросла она не одна. У нея было нѣсколько сестеръ, изъ которыхъ одна была старше ея. Но въ семьѣ она чувствовала себя какъ бы чужой. Она желала ласки, любви, но не получала. Вообще отъ дѣтства у ней не осталось пріятнаго воспоминанія. Но это она почувствовала только потомъ. Тогда же она была весела, жизнерадостна и осталась такою и въ гимназіи, куда поступила девяти лѣтъ. Въ гимназіи Оля училась хорошо и вообще была по прежнему довольна своею жизнью. Но въ пятнадцать лѣтъ съ ней произошелъ крупный переломъ. Никто этого не замѣчалъ, да и сама Оля чувствовала это только, когда оставалась одна. На нее нападала какая то безпричинная тоска, и становилось такъ тяжело, что Оля часто плакала. Потомъ эти приступы тоски стали сильнѣе, возникали какіе то неопредѣленные вопросы... и такъ хотѣлось отвѣтовъ на нихъ!.. Оля стала задумываться. Но тутъ у ней начали допытываться, почему она не веселая, и Оля рѣшила быть болѣе скрытной. Когда она была не одна, то казалась веселою; но чѣмъ веселѣе она была съ знакомыми, тѣмъ тяжелѣе становилось ей, когда она оставалась одна. Но кому повѣдать свою тоску, у кого искать помощи? Старшей сестрѣ Оля не могла разсказать по непонятной ей самой причинѣ, между подругъ же никто не могъ помочь. Тогда Оля ищетъ этого человѣка... и находитъ. Это была учительница, которую Оля горяч любила. За что? она не знала; знала только, что любитъ ее безотчетно, какъ никого никогда не любила. Ей казалось, что она эта учительница—и есть тотъ пророкъ, котораго она такъ искала. Оля ждала, что вотъ, вотъ онъ пойметъ ее и поможетъ ей. Но ожиданія разсѣялись. Она прошла мимо. Съ какою любовью вспоминала Оля и теперь ее! „Но видно она не тотъ, котораго я жду", думала Оля. Чтобы заполнить душевную пустоту, Оля набрасывается на книги, но съ первой же строки понимаетъ, что одна она тутъ безсильна. Такъ семнадцати лѣтъ Оля кончила гимназію и была назначена учительницей въ деревню. Сначала новая жизнь захватила ее, и на время исчезла тоска. Но когда Оля привыкла къ этой жизни, то еще сильнѣе почувствовала свое одиночество. Часто и съ какою любовью вспоминала она свою любимую учительницу. „Зачѣмъ ты прошла мимо меня, свѣтлое видѣніе? Зачѣмъ? Неужели и ты такая же, какъ и всѣ? А какъ я надѣялась на тебя! Съ какимъ внутреннимъ трепетомъ я шла къ тебѣ навстрѣчу! Но ты прошла!"

Тоска становилась все сильнѣе и сильнѣе, и часто сторожиха, пришедшая за чѣмъ-либо въ комнату „учительши",

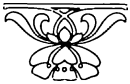
заставала ее всю въ слезахъ и изумленная уходила.

„Ольга Миколавна, ставить самоваръ-то, али нѣтъ?“ раздается звонкій голосъ сторожихи.

Ольга Николаевна вздрагиваетъ и не сразу приходитъ въ себя. Сторожиха получивъ отвѣтъ, еще нѣсколько времени оживленно смотритъ на учительницу и, покачавъ головой, уходитъ. „Не понять тебѣ, не понять, если ужъ она, такая чуткая не поняла!“ съ тоскою шепчетъ Ольга Николаевна.

Съ тихимъ стономъ падаетъ она на кровать и глухія рыданія раздаются изъ подушки. И сквозь рыданія слышится: „Господи! Когда же? Хоть бы скорѣе, скорѣе! Гдѣ же ты, свѣтлое видѣніе? Когда же ты придешь ко мнѣ? Вѣдь я такъ жду тебя! Когда-же?“

„Русалочка“.



„Именинница“.

Сценка изъ гимназической жизни.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Нина—именинница.

Лида, **Аня**, **Зина**, **Катя**, **Леля**, **Лиза**, **Наташа** — ея одноклассницы.

Студентъ— двоюродный братъ Ани.

Даша—горничная Нины.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Гостинная. Горничная Даша убираетъ комнату.

Даша. А все то барышни капризы, вѣдь какъ это право не надоѣстъ. Вчера вѣдь кажись до 3-хъ часовъ танцовала, такъ нѣтъ все мало, сегодня опять гостей къ себѣ ждетъ. Сегодня проспала до часу; уроковъ видно не знаетъ, вотъ теперь лежитъ и учитъ. *(Въ сосѣдней комнатѣ слышится голосъ Нины).*

Нина. Начало великой французской революціи было въ 1789 годъ въ 1789 году.

Даша. Ишь какую то французскую еволюцію учитъ. И на что это право французская еволюція, хоть бы русскую то знала. Да нѣтъ вѣдь ныньче то все

французско въ модѣ. И говорятъ то все по французски. Барышня то съ мадамой какъ шибко по французски лопочетъ. Ужъ какъ ни старалась ни какъ не могла разобрать о чемъ говорятъ *(передразнивая дѣлаетъ реверансъ)* одна бонжуръ, другая увруаръ, ой да ихъ самъ сатана не разберетъ.

Нина *(изъ сосѣдней комнаты)*. Даша щипцы готовы? платье разглажено? Наполеонъ былъ сосланъ въ 1814 году.

Даша. Готово, барышня, сейчасъ несу *(уходитъ)*.

За сценой.

Нина. Да ты не такъ Даша, да вѣдь бантъ то криво. Фу ты какая безтолковая Ой! ой! лобъ опалила.

Даша. Да Вы барышня поосторожнѣе не торопитесь, вѣдь сейчасъ всего-то семь часовъ, успѣете.

Нина. Господи да по твоему это мало, вѣдь онѣ съ $7^1{}_2$ у насъ будутъ здѣсь, а я по твоей милости опять не готова!

Даша. Да я при чемъ же тутъ барышня; вѣдь это Вы все съ французской еволюціей возились.

Нина. Небось будешь возиться, когда четверть кончается, а я все еще не спрошена. Вотъ еслибъ спрошена была, всѣ бы историческія книжки подъ столъ побросала. Ну застегнула ли ты наконецъ?

Даша. Да Вы стойте, какъ слѣдуетъ, тогда и застегну. Послѣдній крючекъ остался. *(Выходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Нина и Даша.

Нина. Ну слава Богу готова *(подходитъ къ зеркалу)*. Что хороша я въ этомъ нарядѣ. *(Даша поотдаль смотритъ на нее)*.

Даша. Да что ужъ и говорить, барышня, ровно ангельчикъ.

Нина. Слушай Даша, а кто лучше я или Аня Михайлова.

Даша. Да что ужъ и скажете барышня, гдѣ ей за вами.

Нина. Ахъ еслибъ ты знала, какъ мнѣ вчера весело было; толпа поклонниковъ. Мазурку то съ кѣмъ танцовала... Да что я тебѣ говорю все равно не понять.

Даша. Ужъ и не понять *(кричатъ Даша, Даша)*.

Даша. Иду барыня--иду *(уходитъ)*.

Нина *(садится въ кресло, мечтательно)*. Да, какъ это онъ мнѣ вчера написалъ „три граціи считались въ древнемъ мірѣ родились вы и стало ихъ четыре“. Господи какъ хорошо, какъ хороша жизнь и неужели что есть несчастные

на свѣтѣ. Да и къ чему мнѣ знать объ этихъ несчастныхъ, когда мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо. Да, это именно тотъ кого я ждала, какъ онъ милъ, какъ любезенъ. (*Звонокъ*). Ахъ, навѣрно это они (*подходитъ къ дверямъ*). Лида, это ты одна?

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Лида (*входя*). Да представь ну и нахалка же эта Анька Михайлова, хотѣла зайти и не зашла. Ну намылю же я ей голову, ни одного волоска не оставлю. (*Оживленно*). Слушай ка, а ты Анькинаго брата видѣла.

Нина. Какого брата, да вѣдь у ней и брата то нѣтъ.

Лида. Да двоюродный изъ Петрограда—студентъ.

Нина. Да чтожъ она никогда не говорила, что у ней братъ есть.

Лида. Да еще какой братецъ то одинъ восторгъ, глаза какъ звѣзды, на русскаго нисколько не похожъ—южанинъ. Да сама увидишь.

Нина. Лида милая, да гдѣ же я его увижу.

Лида. Да ужъ гдѣ нибудь увидишь (*звонокъ, Нина убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Лида (*одна*). Ну Ниночка и надуемъ же мы тебя только держись.

ЯВЛЕНІЕ V-е.

(*Вбѣгаетъ Нина съ нѣсколькими гимназистками*).

Лида. Ну наконецъ явились, а Анька то гдѣ же?

Всѣ. Придетъ навѣрно.

Лида (*съ безпокойствомъ тихонько Катѣ*). Да они то гдѣ же?

Катя. Идутъ не безпокойся за кварталъ отстали, чтобъ придти однимъ. Эффектнѣй выйдетъ.

Нина. Господа извините я на минуточку оставлю васъ!

Всѣ. Ахъ пожалуйста не безпокойся мы не соскучимся. (*Нина уходитъ*).

Лида. А вѣдь славно господа, что мы это придумали, сюрпризъ именинницѣ.

Катя. Восхитительный студентикъ. Да господа не забудьте, когда они особенно сильно увлекутся разговоромъ мы потихоньку ихъ оставимъ однихъ.

Всѣ. Не забудемъ, не забудемъ. (*Звонятъ*).

Лида. Да вотъ звонокъ навѣрно они. Только вы пожалуйста не расхохочитесь, а то, лопни мой старый сапогъ, что все дѣло испортите.

ЯВЛЕНІЕ VI-е.

(Входятъ Аня и студентъ на лицахъ всѣхъ появляется улыбка).

Катя. Ну, слава Богу, явились.

Аня. Да никакъ усы приклеить не могли.

ЯВЛЕНІЕ VII-е.

(Входитъ Нина съ подносомъ яблокъ и смущенно останавливается).

Аня. Съ днемъ ангела—Нина. Позволь тебѣ представить моего двоюроднаго брата.

Нина. Ахъ очень пріятно (*протягиваетъ руку*).

Студентъ. Вольдемаръ Освѣмицкій. Я давно жаждалъ познакомиться съ Вами.

Нина. Но Вы откуда меня знали?

Студентъ. Я увидѣлъ Вашу карточку и былъ ослѣпленъ, съ тѣхъ поръ я далъ себѣ клятву познакомиться съ Вами.

Нина (*смущенно*). Мнѣ это очень пріятно.

Зина (*про себя*). Еще бы.

Нина. Воображаю, какъ скучно Вамъ здѣсь послѣ веселой Петроградской жизни.

Студентъ. Ну развѣ можетъ мнѣ быть скучно, когда Вы находитесь здѣсь рядомъ со мной (*всѣ отходятъ въ сторону*).

Нина. Ахъ, я ненавижу комплименты.

Студентъ. Нѣтъ помилуйте это истинная правда. (*Всѣ въ это время оживленно разговариваютъ, Лиза вскрикиваетъ*).

Лиза. Отгадала, отгадала это очень просто нужно къ 2 прибавить 4 въ кубѣ.

Зина. Вотъ и врешь вовсе не въ кубѣ, а въ квадратѣ.

Лиза. Ну конечно въ квадратѣ, я такъ и хотѣла сказать въ квадратѣ.

Зина. Ну мало ли что хотѣла. Господа смотрите Ниночка, Ниночка то что выдѣлываетъ: глазки опустила, совсѣмъ святая, голосъ то совсѣмъ другой.

Нина (*къ студенту*). Не хотите ли я Вамъ покажу мой альбомъ въ немъ много поэтичныхъ открытокъ.

Студентъ. О съ удовольствіемъ (*отходятъ въ сторону*).

Катя. Дѣло кажется идетъ на ладъ.

Лида. Да Лизка молодецъ, себя великолѣпно держитъ, слушай Аня, а ты спой ка намъ что нибудь.

Всѣ. Да, да пожалуйста.

Аня. Что жъ вамъ спѣть.

Зина. Да все равно, хотя бы знаешь „Утро туманное, утро сѣдое".

Аня. Ну хорошо.

Катя. Я тебѣ съаккомпанирую.

Аня (*поетъ*). **Нина** *принимаетъ мечтательную позу*. **Студентъ** *что то шепчетъ ей*. **Аня** *кончаетъ*.

Всѣ. Браво, браво, ай да Анька молодецъ.

Студентъ. Я восхищенъ Вашимъ голосомъ.

Зина. Ты навѣрно въ консерваторію.

Катя. Ну конечно. Чего добраго еще твое имя прогремитъ ты станешь извѣстностью; вдругъ придется читать „извѣстная артистка Анна Борисовна хотя бы Дальская (ты конечно перемѣнишь свою фамилію) выступаетъ въ главной роли въ оперѣ.

Аня (*перебивая*). „Заткни уши и бѣги вонъ". (*Всѣ хохочутъ*).

Зина. Да ужъ не представляйся, сама прекрасно знаешь, что поешь великолѣпно

Аня. Хорошо пою я или нѣтъ это я не знаю, но ѣхать въ консерваторію это моя единственная мечта.

Катя. А моя мечта это быть врачемъ, поѣхать въ деревню лѣчить крестьянъ.

Нина. Боже мой вѣдь ты можешь заразиться и потомъ постоянно видѣть кровь брр. я никогда бы этого не перенесла.

Катя. Какая же ты нѣженка вѣдь это такое счастье сознавать, что приносишь пользу человѣчеству, что возвращаешь къ жизни умирающихъ людей.

Лида. Ну пошла поѣхала напа Екатерина совсѣмъ героиню изъ себя корчишь, а похожа ты на героиню, какъ вилка на бутылку.

Катя. Нѣтъ господа я вижу, что вамъ меня совсѣмъ не понять.

Нина. Да что понимать. Нельзя же похоронить себя въ деревнѣ вдали отъ этихъ увеселеній, а жизнь такъ хороша, такъ хороша.

Студентъ. О да, Вы правы съ Вашимъ умомъ, съ Вашей красотой, съ Вашимъ изящнымъ видомъ жить вдали отъ людей, отъ общества, нѣтъ это невозможно, Ваша жизнь должна быть вѣчнымъ праздникомъ, Вы въ столицѣ должны блистать яркой звѣздой.

Лида (*про себя*). Ну, понесла турусы на колесахъ.

Студентъ. Да признаться самъ не люблю медицину. Мой папа умолялъ меня быть врачемъ, но я предпочелъ быть юристомъ.

Нина. Ахъ, Вы юристъ. Мнѣ почему то такъ и казалось, Вы удивительно краснорѣчиво говорите.

Студентъ (*расшаркиваясь*). Я польщенъ.

Нина. А скажите, Вы на которомъ курсѣ?

Студентъ. На третьемъ.

Нина. Такъ Вы навѣрно знаете Колю Филиппова?

Студентъ. Припоминаю это такой высокій брюнетъ.

Нина. Нѣтъ онъ блондинъ.

Лида (*про себя*). Ну влопалась, влопалась.

Зина. (*тихонько*). Не выпутаться.

Студентъ. Ну, да конечно блондинъ! у него еще такая хорошенькая сестра.

Нина. Сестра! Нѣтъ у него нѣтъ сестры онъ одинъ.

Студентъ (*про себя*). Ну пропала моя головушка. Что мнѣ дѣлать (*громко*). Такъ значитъ это не онъ (*беретъ со стола книгу перелистываетъ страницы*). *Къ Нинѣ*. Это Вы читаете. Можно.

Нина. Это сочиненіе Вернера „Княгиня Дорошевская". Ахъ, Вернеръ душа моя на этой недѣлѣ прочла его три книги; когда кончила. то прямо не могла въ себя придти: ужъ очень сильное впечатлѣніе произвели не меня его романы.

Леля. Ну ужъ удивила, Нинка! Никакъ не ожидала, что здравомыслящій человѣкъ можетъ такъ увлекаться Вернеромъ. Романы Вернера—это просто бредъ разстроеннаго воображенія. Одинъ романъ какъ двѣ капли воды похожи на другой: одни и тѣ же герои только въ другомъ порядкѣ, да имена къ нимъ другія подставлены. Никакихъ идей, никакой жизненности: вотъ полная характеристика произведеній Вашего властителя думъ.

Нина (*обиженно*). На вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ. Я вотъ напримѣръ не нахожу ничего хорошаго въ твоемъ Толстомъ.

Леля. Ну развѣ можно сравнивать Вернера съ Толстымъ этотъ глубина, океанъ, а у того однѣ красивыя, громкія фразы.

Нина. Нѣтъ, я съ тобой никогда не соглашусь, у него все такъ поэтично, такъ красиво, а я люблю все красивое, ненавижу прозы. (*къ студенту*) Ну, какъ по Вашему?

Студентъ. Я принимаю сторону Нины Георгіевны, я также какъ и она люблю все красивое. Когда мнѣ дѣлается скучно, я всегда читаю романы Вернера и они всегда удивительно дѣйствуютъ на меня.

Нина. А Вамъ часто бываетъ скучно, скажите, какъ Вы проводите время въ Петроградѣ?

Студентъ. До сихъ поръ проводилъ хорошо, а теперь, послѣ нашего знакомства я буду жить одной минутой новаго свиданія съ Вами.

Всѣ. Пора господа пора!

Лида. Нина, мы пошли за гитарой надѣюсь можно. (*Выходятъ*).

Нина (*оборачиваясь*). Пожалуйста.

ЯВЛЕНІЕ VIII-е.

Студентъ. Нина я больше не могу сдерживать своихъ чувствъ, я люблю Васъ, скажите могу ли я надѣяться.

Нина. Люблю ли я Васъ-къ чему этотъ вопросъ.

Студентъ. Боже мой, какъ я счастливъ! (*Падаетъ на колѣни цѣлуетъ руку Нины и одной рукой стаскиваетъ парикъ, кудри раскидываются по плечамъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX-е.

Всѣ (*вбѣгаютъ*). Ха! ха! ха! Вотъ одурачили то!

Нина (*вскрикиваетъ*). Лизка (*закрываетъ лицо руками*). Дуры, нахалки да какъ вы смѣли (*плачетъ*).

ЗАНАВѢСЪ.

Чудеса на экранѣ кинематографа.

Рефератъ читанный на собраніи физико-математическаго кружка.

Я думаю изъ васъ почти всѣ любятъ ходить въ кинэмо, и сама я тоже люблю и всѣмъ намъ приходилось видѣть на экранѣ его такія чудеса о которыхъ только въ сказкахъ говорится, да и то не всегда. Я, напримѣръ, не встрѣчала такихъ сказокъ въ которыхъ бы говорилось, что разбитыя тарелки могли сами и съ полу заскакивать на столъ въ совершенно цѣломъ видѣ или напримѣръ передъ нами пылающія развалины, огонъ мало по малу стихаетъ, появляется дымъ, а развалившіеся части дома начинаютъ группироваться въ правильныя формы, наконецъ исчезнетъ дымъ и передъ нами раскошный домъ безъ малѣйшихъ слѣдовъ пожара т. е. во всемъ этомъ процессѣ произошло

явленіе обратное истинному. Эти два случая представляютъ простѣйшее изъ чудесъ кинематографа. Я думаю нѣкоторыя и безъ моего объясненія знаютъ въ чемъ заключается этотъ фокусъ, но я всетаки скажу сама, что онъ изъ себя представляетъ. Какъ уже вамъ извѣстно кинематографическая лента представляетъ изъ себя рядъ постепенно измѣняющихся картинъ, положимъ передъ нами уже извѣстныя вамъ тарелки, онѣ преспокойно лежатъ на столѣ, но вотъ какая-нибудь „ловкая" кухарка беретъ ихъ и, запнувшись за что-нибудь, роняетъ всю стопу злополучныхъ тарелокъ, которыя моментально разлетаются на куски. А теперь, господа, попробуйте пустить ленту въ обратномъ направленіи, и вы увидите, какъ тѣ же разбитыя тарелки вскакиваютъ съ пола, складываются въ стопу и мчатся прямо въ руки споткнувшейся кухарки. Такимъ же образомъ объясняется и явленіе съ пожаромъ. Теперь разсмотримъ чудеса другого рода: именно чудесныя появленія и исчезновенія предметовъ и живыхъ существъ на экранѣ. Предположимъ, что всѣмъ извѣстный Поксонъ нацѣлился, чтобы взять со стола яблоко, онъ уже поднесъ къ нему руку, какъ вдругъ яблоко исчезаетъ безслѣдно, удивленный Поксонъ отдергиваетъ руку, протираетъ глаза и удивленію его нѣтъ предѣла, когда онъ видитъ, что яблоко попрежнему лежитъ на столѣ. Это явленіе, господа, поистинѣ оригинальное; въ комнатѣ нѣтъ никого кто-бы могъ стянуть яблоко изъ подъ толстаго носа Поксона, а между тѣмъ яблоко исчезло, это фактъ! Всѣ зрители кинематографа видѣли своими собственными глазами, какъ яблока не стало. Это можно объяснить нѣсколькими пріемами съемки. Разсмотримъ первый: Поксонъ предъ кинематографическимъ аппаратомъ. Онъ съ предвкушаемымъ удовольствіемъ тянется за яблокомъ но когда рука его вотъ вотъ прикосается къ нему, съемку прекращаютъ. Поксонъ на нѣкоторый моментъ застываетъ въ этомъ положніи, а яблоко въ это время любой вошедшій человѣкъ можетъ унести со сцены. Когда исчезновеніе яблока произведено, съемку продолжаютъ и передъ глазами зрителей удивленный Поксонъ протираетъ глаза, чтобы увидѣть исчезнувшее яблоко. Съемку снова прекращаютъ, яблоко кладутъ на его прежнее мѣсто, послѣ чего, лежащій на столѣ плодъ и совсѣмъ обезумѣвшаго Поксона запечатмѣваютъ на лентѣ. Но это же явленіе можно объяснить и другимъ образомъ: На ленту снимаютъ все что происходитъ на сценѣ, а потомъ вырѣзаютъ изъ нея тѣ мѣста, которыя не хотятъ показать зрителямъ причемъ каждая изъ васъ навѣрно замѣчала, въ такихъ случаяхъ, рѣдкія движенія дѣйствующихъ лицъ, т. какъ вырѣзанный кусокъ ленты уничтожаетъ послѣдовательность движенія. Такъ если Поксонъ поднесъ руку къ яблоку, а потомъ отдернулъ ее, то онъ безусловно рѣзко измѣнилъ положеніе этой руки и если вырѣзать весь процессъ отдергиванья, то получится рѣзкій скачокъ въ положеніи этой руки, или рѣзкое движеніе ею. Подобнымъ образомъ объясняются исчесновенія и одушевленныхъ предметовъ. Положимъ человѣкъ подпрыгнулъ, въ моментъ прыжка останавливаютъ съемку, или вырѣзаютъ кусокъ ленты начиная съ того изображенія, когда человѣкъ находился на воздухѣ, а потомъ ленту склеиваютъ съ тѣмъ концомъ, гдѣ человѣкъ уже исчезъ со сцены. Такимъ образомъ получается иллюзія полнаго исчезновенія. Теперь, господа, мнѣ легко будетъ объяснить явленія съ автомобилемъ. Во многихъ картинахъ фигурируетъ автомобиль, онъ возитъ на себѣ и роскошно одѣтыхъ дамъ и мужчинъ, и таинственныхъ апашей, вообще навѣрно нѣтъ ни одного кинематографическаго артиста, который бы не ѣздилъ на автомобилѣ въ какой-нибудь роли, а также многимъ изъ нихъ приходилось съ отчаянія или по другой какой-нибудь причинѣ бросаться подъ автомобиль, который мчался со скоростью молніи. Фактъ тотъ, что подъ автомобиль бросается не чучело, а настоящій человѣкъ. Нѣтъ однако сомнѣнія и въ томъ, что въ тотъ моментъ, когда автомобиль наѣзжаетъ на жертву, подъ его колесами уже оказывается чучело, но интересно, какъ могли смѣнить человѣка на чучело, въ то время когда автомобиль мчался на всѣхъ парахъ. Автомобиль мчится на всѣхъ па-

рахъ только передъ глазами зрителей, на самомъ же дѣлѣ автомобиль ѣдетъ самымъ черепашьимъ шагомъ, такъ тихо, что можно двадцатъ разъ перемѣнить человѣка на чучело. Во время подмѣненія продолжаютъ снимать, а когда картина готова изъ нея вырѣзаютъ куски ленты и въ томъ числѣ подмѣнку, а потомъ склеиваютъ обрѣзки такъ что лента станетъ во много разъ короче благодаря чему автомобиль движется очень быстро, не смотря на то, что при демонстрированіи, лента пускается съ обыкновенной скоростью. На основаніи остановки съемки основана масса эффектныхъ картинъ. Такъ напримѣръ: передъ нами какое-нибудь парадное шествіе. Фатографу хочется запечатлѣть всѣ важные моменты его, но какъ это сдѣлать? Положимъ, онъ сдѣлаетъ одинъ снимокъ, но ему хочется сдѣлать другой, не будетъ же бѣгать со своимъ ящикомъ за тѣмъ что ему надобно снять. наконецъ, когда онъ будетъ наставлять свой аппаратъ шествіе можетъ пройти и онъ останется ни съ чѣмъ. Согласитесь господа что это невозможно! Но фотографы нашли выходы изъ этого плачевнаго положенія; каждый фотографъ снималъ то, что ему нравилось, при чемъ одинаковыхъ снимковъ не получалось, потому что они снимались съ разныхъ мѣстъ. Въ концѣ концовъ склеивали снимки всѣхъ въ одну ленту и получали такимъ образомъ разносторонюю съемку парада. Кромѣ этихъ происшествій васъ навѣрное интересовало появленіе на экранѣ полу-прозрачныхъ тѣней. Прежде чѣмъ говорить объ этомъ, мнѣ хочется сказать о томъ, какъ дѣлаются блѣдные снимки. Въ вашемъ фотографическомъ аппаратѣ имѣется объективъ, т. е. стекло пропускающее черезъ себя лучи свѣта. Если объективъ открытъ весь, то на свѣто-чувствительную пластинку попадаетъ много лучей, которые даютъ скорый и рѣзкій снимокъ, если же мы часть объектива закроемъ, мы уменьшимъ число лучей падающихъ на пластинку, отчего сниманіе происходитъ медлено. Такимъ образомъ если мы сниманіе произведемъ быстро у насъ получится блѣдный снимокъ. Для того чтобы постепенно или сразу увеличивать или уменьшать просвѣтъ объектива, существуетъ діафрагма „ирисъ", которая устроена изъ цѣлаго ряда пластинокъ, соединенныхъ на металлическомъ кольцѣ такимъ образомъ, что при поворотѣ послѣдняго, пластинки постепенно сближаются, направляясь къ срединѣ кольца. Итакъ мы желаемъ увидѣть появленіе какой-нибудь волшебной феи. Дѣвушку подходящей наружности для феи сначала снимаютъ елезамѣтной, потомъ увеличиваютъ діафрагму и изображеніе дѣлается яснѣе, въ концѣ концовъ діафрагму совсѣмъ открываютъ и получаютъ совсѣмъ реальное изображеніе феи. Но мы замѣчали, что появленіе подобныхъ фей часто бываетъ на фонѣ яснаго изображенія предметовъ, въ такомъ случаѣ сначала снимаютъ фонъ т. е. обстановку. но пластинку не проявляютъ, а пускаютъ ее снова и дѣлаютъ вторичный снимокъ вмѣстѣ съ феей уже вышеуказаннымъ образомъ, при проявленіи оказывается два снимка на одной пластинкѣ, благодаря чему послѣдній, въ данномъ случаѣ фея, дѣлается прозрачной. Бываютъ и обратные случаи. Герой какой-нибудь фейеріи, обыкновенный человѣкъ дѣлается блѣднымъ изображеніемъ и потомъ исчезаетъ. Это явленіе обратоое первому. Сначала снимокъ дѣлаютъ при полной діафрагмѣ, а затѣмъ она уменьшается, и снимокъ теряетъ свою ясность, а когда діафрагму совсѣмъ закрываютъ, изображеніе исчезаетъ. Вы навѣрно помните картину „Страшная месть" по Гоголю, шла она осенью въ художественномъ театрѣ, тамъ особенно красиво были изображены подобныя исчезновенія. Благодаря тому, что раньше, да пожалуй и теперь есть люди, не знающіе этого секрета, фокусникамъ удавалось продѣлывать возмутительныя штуки надъ довѣрчивыми зрителями. Они, напримѣръ, говорили, что могутъ вызывать духовъ, которые видимы только имъ—фокусникамъ и въ доказательство того, что духи обитали возлѣ кого-нибудь изъ посѣтителей, они дѣлали фотографическій снимокъ съ этого субъекта и показывали ему его изображеніе съ рядомъ стоящимъ или сидящимъ прозрачнымъ духомъ. Вы навѣрно и сами догадались, что фокусникъ заранѣе дѣлалъ блѣдные снимки со своихъ сообщниковъ одѣтыхъ

въ таинственные костюмы и на эту непроявленную пластинку снималъ довѣрчивую публику. Однимъ изъ чудесъ кинематографа считаются картины въ которыхъ изображены хищныя животныя и опасныя змѣи въ ихъ привычной жизненной обстановкѣ. Это чудо потребовало много работы, изобрѣтательности и денегъ. Конечно фотографъ не можетъ наблюдать звѣрей непосредственно на волѣ, необходимо создать такія условія при которыхъ можно было бы снимать животныхъ незамѣтно для нихъ самихъ и безъ страховъ фотографа за свою жизнь. И дѣйствительно люди добились этого. Они устроили въ южной Франціи огромный звѣринецъ, въ которомъ звѣрь могъ жить какъ на свободѣ, для съемки же они устроили въ видѣ камней маленькіе домики въ которыхъ сидѣли фотографы. Вотъ одна изъ картинъ, снятая такимъ образомъ: „Зритель видитъ, какъ въ углу величественнаго тропическаго лѣса пріютился кроликъ... Вверху, между ползучими стеблями ліанъ, появляется плоская пасть змѣи... вытягивается противная голова... ползетъ, безумно извиваясь, тѣло хищника... моментъ выжидательной неподвижности... жадные глаза своимъ холоднымъ блескомъ гипнотизируютъ жертву, которая въ безсильномъ ужасѣ прижалась къ корню, опустивъ на спину свои уши... быстрое, молнеобразное движеніе... взмахъ гибкаго туловища... и голова кролика исчезла въ пасти змѣи... судорожное содроганіе маленькаго тѣльца... и мы видимъ, какъ головные мускулы змѣи постепенно втягиваютъ кролика въ пищеводъ пресмыкающагося. Мы видимъ, какъ змѣя втянувъ свою жертву, растягивается въ травѣ и предается сонливому пищеваренію". Къ чудесамъ кинематографа относятся снимки, сдѣланные, какъ кажется зрителю, подъ водою. Передъ глазами публики картина изъ жизни подводнаго царства. Вотъ плаваютъ рыбы, меланхолически поводя выступившими изъ орбитъ глазами и плавно помахивая хвостами, пробираясь черезъ густыя водоросли, здѣсь на днѣ мы видимъ морскихъ коньковъ и прозрачныхъ медузъ, жмущихся къ коралловымъ рифамъ и т. д. и среди нихъ изъ жемчужной раковины выплывающую Наяду. Какъ все это красиво и загадочно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и просто на самомъ дѣлѣ. Прежде всего снимаютъ на темномъ фонѣ человѣка въ образѣ „Наяды", а затѣмъ на эту же пластинку снимаютъ черезъ прозрачную стѣнку акваріума и всѣхъ его обитателей. При чемъ рыбы, проплывающія передъ Наядой дѣлаются прозрачными благодаря двойному снимку, что еще болѣе увлекаетъ и туманитъ голову зрителя. Бываютъ картины въ которыхъ герои обладаютъ такой ловкостью, что безъ малейшаго затрудненія взбираются по отвѣснымъ стѣнамъ домовъ и заборовъ. И это дѣлается очень просто. На полу рисуютъ домъ или заборъ и заставляютъ артиста по полу ползти, а въ это время, аппаратомъ, находящимся надъ поломъ, слѣдовательно и надъ артистомъ, дѣлаютъ снимокъ и получаютъ изображеніе отвѣсной стѣны съ карабкающимся по ней человѣкомъ.

Вотъ, господа, еще презабавная картина: На рукахъ у нянюшки крошечный ребеночекъ. Нянюшка качаетъ его, а крошка начинаетъ расти, вотъ на колѣняхъ у нея сидитъ совсѣмъ мальчикъ и наконецъ соскочившій человѣкъ превращается въ взрослаго господина. Это дѣлается также просто, какъ все остальное. Снявши крошечнаго ребенка мѣняютъ его на болѣе крупнаго, наконецъ на совсѣмъ взрослаго, при чемъ конечно пользуются или остановкой съемки или вырѣзываніемъ ненужныхъ кусковъ картины, чтобы не былъ видѣнъ для зрителей процессъ подмѣниванія. Артистовъ конечно гримируютъ, чтобы сдѣлать ихъ похожими другъ на друга. Потомъ, господа, приходилось навѣрно вамъ видѣть постепенный ростъ растеній. Передъ Вашими глазами растеніе вылѣзаетъ изъ земли, растетъ, распускается, сохнетъ и, наконецъ, умираетъ. На это понадобилось, господа, много времени потому что фотографу приходится снимать это растеніе всякій разъ, какъ оно немножко измѣнится, сначала, какъ я уже сказала, только что появившееся растеніе, затѣмъ его ростъ и ему придется снять быть можетъ нѣсколько со-

тенъ снимковъ, чтобы добиться желаемыхъ результатовъ, но фотографъ терпѣливо выдерживаетъ свою роль и предоставляетъ намъ возможность видѣть это явленіе, кажущееся намъ верхомъ чудеснаго. Много кинематографическихъ чудесъ станутъ для васъ ясными, если вы будете разбирать ихъ, примѣняясь къ выведеннымъ способамъ съемки.

Вотъ все, о чемъ хотѣла я сказать вамъ въ моемъ докладѣ.

Fréfle.

* * *

Я во мракѣ холодномъ иду,
О ушедшихъ надеждахъ грущу,
Свое счастье упорно ищу,
Но его никогда не найду.

Меркнетъ свѣтъ путеводныхъ огней.
Я во мракѣ не вижу пути.
Страшно мнѣ. Сердце бьется сильнѣй,
Изнемогъ я... не въ силахъ итти.

Мнѣ на душу тревога легла...
Я озябъ и я ласки хочу,
Я о помощи робко кричу,
Но безмолвна пустынная мгла.

Два отзыва.

Появленіе въ свѣтъ нашего журнала было отмѣчено мѣстной печатью.

Въ № 28 „Уральской жизни“ мы увидѣли первый отзывъ о нашемъ начинаніи въ статьѣ г. С. Виноградова. „Аккорды жизни“. Что же представляетъ изъ себя этотъ трепетно ожидавшійся откликъ на первые шаги молодежи? Статья г. С. Виноградова наполовину критика и нельзя не признать, что иногда и довольно поверхностная. Но не буду опровергать ее: не въ моей цѣли доказывать оригинальность этой критической статьи, въ которой авторъ „Аккордовъ жизни“ неизбѣжно видитъ почти за каждой статьей ученическаго журнала гимназическіе учебники (давно отжившіе притомъ).

Постараюсь указать лишь, что-такое нашъ журналъ въ общемъ по мнѣнію перваго его критика. Какъ извѣстно, журналъ издается съ разрѣшенія, но въ

этой злосчастной помѣткѣ „печатать разрѣщается“ и заключается для г. Виноградова „Печать Антихристова“, она сулитъ ему рутину гимназической жизни... Ну однимъ словомъ—„сочиненія на пять и четыре съ плюсомъ“, какъ прекрасно выразился самъ г. критикъ. Трудно развиться сильному и красивому дарованію „подъ крылышкомъ“ у начальства—„Увы, только неглубоко сидящіе члены могутъ миновать бкагополучно рифы разрѣшеній учебнаго округа“ формулируетъ критикъ свою мысль „все же яркое разобьется объ ихъ острыя ребра“. Конечно въ этомъ иногда можетъ заключаться и извѣстная доля правды, но надо замѣтить, что у г С. Виноградова крайне-односторонній взглядъ на педагоговъ: онъ кажется представляетъ нхъ всѣхъ въ видѣ начальства и не желаетъ допустить въ среду ихъ личностей, не похожихъ на Чеховскаго „человѣка въ футлярѣ“, подъ вліяніемъ (но не подъ крылышкомъ), которыхъ дѣйствительно бы могли зародиться зачатки общественной жизни молодежи. Поставивъ въ видѣ предисловія выше приведенный отрывокъ г. С. Виноградовъ высказываетъ пожеланіе сотрудницамъ „Пусть тоскою и думой зажжется ихъ взоръ“. Пусть сильнѣй обозначится общественная струя“? Но что же представляетъ журналъ, безъ всякой причастности къ общественной жизни?—Онъ ничтоженъ, онъ узокъ и блѣденъ. А если широкая общественность коснется его, если вдумчиво и серьезно захотятъ участники его постигнуть дѣйствительную трудную жизнь—тогда? „Тогда онъ „разобьется“ о вѣроломные подводные камни“—спокойно отвѣчаетъ критикъ. И такъ—или блѣдное и невзрачное существованія этихъ зеленыхъ и сѣрыхъ печатныхъ тетрадокъ—или крушеніе.

„Что же дѣлать?“ спрашиваютъ себя сотрудники... „Лѣсной галиматьи“.

Между тѣмъ въ столбцахъ газеты „Зауральскій Край“ появился новый отвѣтъ, гдѣ звучатъ другія ноты, другое отношеніе при тѣхъ же пожеланіяхъ „Что дѣлать? Вы поняли—что вамъ дѣлать; вы молодежь, чуткая, сильная. И главная сила ваша въ томъ, что вы сознали свою роль въ эту годину; въ томъ, что вы „ищущіе“. Не забывайте, что „ищите и обрящете; стучите и отворится вамъ“ —въ вольномъ переводѣ статья г. Искры, съ удовольсквіемъ читала ее, но не потому, что насъ „хвалятъ“, а потому что г. Искра сумѣлъ уловить святое недовольство жизнью и чистую любовь къ солдатамъ-защитникамъ; онъ нашелъ признакъ общественной мысли: не находя нужнымъ критиковать онъ чувствуетъ „юность и свѣжесть силъ, молодость души, „дадимъ-же молодежи дорогу!“ искренно кончаетъ г. Искра.

Сравнивая эти обѣ статьи я скажу:—намъ рифы г. С. Виноградова не страшны: эти рифы не разобьютъ, не сумѣютъ разбить яркое и сильное, если оно будетъ, то пробьется черезъ какіе угодно „рифы“ и найдетъ себѣ пути, но для насъ есть другія „скалы и мели“—это наше же дѣйствительное отношеніе къ событіямъ. Буудемъ бояться безразличности и равнодушія, постараемся теперь, когда общество привѣтливо и съ ожиданіемъ смотритъ на насъ, о томъ, чтобъ слова г. Искры не оказались идеализаціей нашей жизни и нашей массовой психологіи. Всмотримся вдумчивѣй въ текущія событія, въ свой народъ и, сознавшія свою роль въ наше ужасное время раньше, дѣйствительно докажемъ, что молодежь, на которую такъ вліяетъ война, которая рвется на помощь „за великое дѣло любви“ существуетъ не только въ представленіи г. Искры. Спросимъ себя „тѣ ли мы которыхъ требуютъ великія событія и ждетъ общество; тѣ ли, которыя сознательно стрѣмятся къ пополненію своихъ знаній“ для будущей культурной работы и глубоко проникнутыя желаніемъ быть полезными своей родинѣ готовятся къ исполненію этого „долга“? не дадимъ съ горечью сказать автору „Наканунѣ“, „Я ошибся“. Разочарованіе въ молодежи—одно изъ самыхъ тяжелыхъ чувствъ.

Гимназистка.

КРИТИКА.

„Не въ деньгахъ счастье“.

Общее впечатлѣніе, которое выносится отъ чтенія этого разсказа даетъ понятіе чего-то условнаго и традиціоннаго. Безусловно соглашаешься съ разсудительнымъ авторомъ и съ той истиной, которая всѣми признана. Какой неразумной кажется Лиза Смирнова въ своихъ разсужденіяхъ и понятіяхъ, что „деньги счастье“, какъ неосновательны ея мрачныя мысли! Она прямо роняетъ себя своимъ взглядомъ: стремясь къ чему-то прекрасному и высокому, она надѣется достичь этого деньгами и все благополучіе олицетворяетъ въ богатствѣ и внѣшнемъ довольствѣ. „Охъ, какъ трудно жить безъ денегъ! Бѣдность—это несчастье“. охъ, какъ она неразумна! Вначалѣ внушая къ себѣ осужденіе, Лиза нѣсколько примиряетъ съ собой читателя, когда, увидѣвъ несчастіе Добрыниныхъ, приходитъ къ здравой и правильной мысли: „Я была неправа, говоря, что въ богатствѣ счастье; Добрынины такъ богаты, но такъ несчастны. Лучше бѣдность, но всѣ родные здоровы и счастливы (?), чѣмъ смерть и горе въ богатствѣ“.—„Ну, вотъ, наконецъ-то! Пай-дѣвочка!“—хочется сказать Лизѣ и погладить ее по головѣ. Справедливо, вѣдь, это будетъ? она такъ благоразумна. Читается статья легко, рѣчь вполнѣ правильная и плавная; не замѣчается рѣзкихъ переходовъ отъ одного къ другому и непослѣдовательности въ мысляхъ. Изображеніе мечтаній Лизы о чемъ-то внѣшне красивомъ и блестящемъ живо и естественно, и вмѣстѣ съ ней кажется скучной та обстановка, среди которой она живетъ. Но благодаря слишкомъ нравоучительному тону разсказа получается впечатлѣніе, что авторъ изобразилъ личность Лизы какъ самъ хотѣлъ и какою она должна быть вообще, а не какая она есть, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ.

ХРОНИКА.

Распоряженіе изъ оренбургскаго учебнаго округа. 17-го марта въ перв. женск. гимназіи было получено отъ попечителя учебнаго округа распоряженіе закончить всѣ экзамены къ 1-му мая. Экзамены будутъ произведены только въ 7 и 8-мъ классахъ; остальные классы переводятся по годовымъ отмѣткамъ.

Докладъ для учащихся. 14-го марта с. г. преподавательницей В. А. г-жей Бѣляевой былъ прочтенъ въ зданіи гимназіи докладъ на тему „Восточный вопросъ въ Россіи“.

„Сказители былинъ“. 6-го марта с. г. въ залѣ I-й женск. гимназіи „сказитель“ г. Добролюбовъ познакомилъ учащихся съ художественнымъ исполненіемъ древне-русскихъ былинъ.

Преподавательница географіи А. Я. г-жа Маслова вернулась съ географическаго съѣзда въ Петроградѣ.

Лоттерея. 8-го марта с. г. въ зданіи нов. гостиннаго двора была лоттерея въ пользу недостаточныхъ ученицъ I-й женской гимназіи, прошедшая оч. успѣшно.

10-го марта, наканунѣ отъѣзда въ Уфу посѣтила гимназію старшая сестра милосердія А. Н. Чукмасова, бывшая наставница VI-го А класса.

Въ Екатеринбургской мужской гимназіи скоропостижно скончался классный наставникъ Уховъ.

Въ „Уральскомъ майскомъ союзѣ“. По ходатайству совѣта о-ва „Ур. М. С.“ городъ уступилъ союзу участокъ земли съ лѣсомъ, извѣстный подъ именемъ Полковской дачи (близь завода Злоказова, на берегу Исети). Этотъ участокъ пріобрѣтенъ обществомъ для того, чтобъ его члены часто имѣли возможность бывать въ лѣсу. Нынѣшнимъ лѣтомъ экскурсіи союза въ лѣсъ были сопряжены съ массой неудобствъ, I-е изъ которыхъ —часто непріятное сосѣдство, избѣжать котораго невозможно. Имѣя свою дачу члены-союзники свободно могутъ посѣщать ее и пользоваться свѣжимъ воздухомъ.

Въ Томскѣ. Томскіе студенты-екатеринбуржцы устраивали благотворительный вечеръ, прошедшій съ значительнымъ успѣхомъ.

СМѢСЬ.

Литературный бредъ.

Какая то премилая особа сотрудничать въ журналѣ собралась и тотъ же часъ за дѣло принялась. Лишь та бѣда, что ничего она не понимала и какъ и что писать себѣ не представляла. Но, чудо! у нея ужъ на бумагѣ красуется изящное: „Однажды"...—„Чего далѣе писать, не зная, тихонько говоритъ себѣ она. Ага! немноженько соображаю: то было вѣдь вчера.. и нѣтъ.. не вче..ра, сегодня, нѣтъ, вчера! Да впрочемъ, кажется, не въ этомъ суть: лишь было бъ чѣмъ блеснуть! Итакъ.. я продолжаю: „Однажды, было то вчера, сидѣли господа"... Какіе? Опять вопросъ! Опять сомнѣнья! О, Это же! это сущее мученье. Ну дай ка я поэзіей займусь, авось чего нибудь добьюсь". Вотъ образецъ ея стихотворенія:

„Кругомъ такая тишина, луна сіяніемъ полна, Далѣе надо риѳму, а у меня выходитъ чепуха"!

„Нѣтъ! это не годится и надобно ужъ на другомъ остановиться, гдѣ бы можно было помянуть про астры. нѣжные цвѣты, лишь призракъ лѣтней красоты; про лѣтню ночь средь утра, болотистую рѣчку съ камышемъ... Какъ славно было бъ мнѣ все это описать и сразу поэтессой стать! Но жаль мнѣ это не пристало... Чу!.. Какъ будто что то прошуршало. Ужъ не летучая ль то мышь? Иль вѣтеръ колыхнулъ камышъ?.. Гм...Гм... не обратиться ль къ вѣтру мнѣ и помощи просить извнѣ. Я право, кажется, не знаю что и дѣлать такъ голова вотъ и идетъ кругомъ, въ ушахъ и страшный шумъ, и звонъ".. Слеза катится за слезой у поэтессы молодой.

Отчаянья полна, къ зефиру обращается она: „О, вѣтеръ! развѣй мои думы, развѣй ихъ какъ можно скорѣй, чтобы даже слѣда не осталось отъ прежняго: слезъ и рѣчей. Ты не слышишь меня? ты не хочешь понять, какъ я горько и тяжко страдаю: я безсильна, слаба, не могу я писать, сочинять"... „Нѣтъ! слышу"—отвѣтилъ ей вѣтеръ—„но слыша понять не могу, о чемъ говоришь ты, что просишь! Прощай! я далеко лечу". Простился, улетѣлъ, и слѣдъ простылъ.

Такъ не пора ль и намъ
сейчасъ же съ дѣвою проститься и
молвивъ тихо „миръ съ тобой"!
Какъ вѣтеръ во свояси удалиться.
Друзья, къ чему же болѣ
тревожить намъ столь слабый умъ?
Мы предадимъ все божьей волѣ—
авось и выйдетъ что нибудь.
О другъ, не предавайся своимъ обманчивымъ мечтамъ,
Впередъ, такъ быстро не бросайся,
А то останешься профанъ.
Цвѣты и розы
Стихи и прозу
Оставь мой другъ.
Ты не поэтъ—къ чему лукавить?
Лукавствомъ родъ свой не прославишь
А будешь пѣшкою межъ тѣхъ
кто жизнь свою не для утѣхъ,
а для высокихъ дѣлъ направилъ.

Нуль.

Мосты и острова.

Въ предыдущемъ номерѣ былъ предложенъ вопросъ: можно ли обойти 7 мостовъ a, b, c, d, e, f, g. побывавъ на каждомъ только одинъ разъ. Конечно это должно быть сдѣлано только во время одной прогулки. Чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ установимъ связь между числомъ пройденныхъ мостовъ и числомъ буквъ, обозначающихъ пройденный путь. Если пройдемъ одинъ мостъ изъ A въ въ C, то путь обозначится ввидѣ AC. Далѣе пройдемъ изъ C въ D тогда весь путь выразится 3 буквами ACD. Перейдя наконецъ черезъ третій мостъ изъ D въ B получимъ путь ACDB изъ четырехъ буквъ составимъ таблицу.

Число пройденныхъ мостовъ.	Число буквъ пути.
1 мостъ	буквъ AC—2.
2 „	ACD—3.
2 „	ACDB—4.
n	n + 1.

Какъ мы видимъ число буквъ пути на 1 больше числа пройденныхъ мостовъ. И слѣдовательно чтобъ пройти наши 7 мостовъ, нужно получить путь изъ 8 буквъ. Теперь нужно рѣшить въ какомъ порядкѣ должны итти буквы. Для этого составимъ новую таблицу. Возьмемъ мѣстность А, пройдемъ отсюда 1 разъ. Тогда путь нашъ обозначится черезъ АВ. Двѣ буквы А входитъ 1 разъ. Если мы пройдемъ 3 моста (c, d, a), то путь нашъ обозначится черезъ АСАВ, тогда буква А войдетъ 2 раза. Пройдя 5 мостовъ (c, d, a, b, e) получимъ путь АСАВАD, гдѣ А войдетъ 3 раза. Такимъ образомъ получается таблица.

Число пройденныхъ мостовъ	Число повторенiй буквъ.
1	1
3	2
	3
n	$\frac{n+1}{2}$

Мы видимъ, что если мы къ числу стоящему въ первомъ столбцѣ прибавимъ 1 и сумму раздѣлимъ на 2 то получимъ число второго столбца. Примѣнимъ полученные выводы къ нашей задачѣ. У насъ 7 мостовъ—слѣдовательно путь долженъ быть записанъ 8 буквами. Посмотримъ сколько буквами выразится на самомъ дѣлѣ путь.

Въ мѣстности А—5 мостовъ.

Число повторенiй буквы.

$$A = \frac{5+1}{2} = 3.$$

$$B = \frac{3+1}{2} = 2.$$

$$C = \frac{3+1}{2} = 2.$$

$$D = \frac{3+1}{2} = 2.$$

Всего 9 буквъ.

И такъ нашъ путь выразится 9 буквами, а ихъ должно быть только 8—отсюда и заключаемъ, что задача невозможна.

ШАРАДЫ.

Отгадать меня не трудно будетъ Вамъ, если Вы передъ названьемъ трусливаго животнаго въ творительномъ падежѣ множественнаго числа поставите предлогъ изъ двухъ буквъ и одно изъ чиселъ перваго десятка. Четвертымъ словомъ сдѣлаете то, что носитъ нашъ солдатъ на плечѣ шинели съ окончанiемъ ишься, далѣе отрицанiе одного и глаголъ повелительнаго наклоненiя, который Вы употребляете тогда, когда хотите не слышать прекраснаго пѣнья, рѣжущаго Вамъ уши, съ окончанiемъ маешь

Цѣлое—распространенная пословица.

Первое—согласная буква, второе—животное изъ семейства раковыхъ, а цѣлое—насѣкомое.

а	к	р	а
а	м	п	а
м	а	у	м
к	у	а	р

Въ нарисованномъ квадратѣ переставить буквы такъ, чтобы читая сверху внизъ и слѣва на право получить одинаковыя слова.

Замѣнить черточки буквами такъ, чтобы читая сверху внизъ, вмѣсто черточекъ получить фамилію знаменитаго писателя

ко —
а —
па —
сто —
мор —
со —
пол —
гнѣ —
сор —

Рѣшеніе ребуса.

Отъ запада до востока не найдешь человѣка безъ порока.

Отвѣтственный Редакторъ-Издатель *В. А. Бѣляева.*

Екатеринбургъ, тип. „Художественная Печать".